

В о п р о с ы т е о р и и

Р е д у к ц и я п о с т п о л и т и к и

Товбин Кирилл Михайлович – кандидат философских наук, доцент Гагаринского филиала Российского Нового университета, г. Гагарин, Смоленская область

E-mail: kimito@yandex.ru

Редукция постполитики

Аннотация

В статье рассматривается понятие постполитики и её параметры. Постполитика характеризуется как предельная стадия дезонтологизации политических отношений. Для подступа к этому культурно-историческому явлению в статье проводится сравнение политических отношений в трёх контекстах – традиционного общества, эпохи Модерна и нынешнего Постмодерна. Рабочая гипотеза: политические отношения, приближаясь к современности, являют постепенное освобождение от сакральных координат, переход в некое новое, прозрачное, виртуальное качество.

Ключевые слова: Постмодерн, пострелигия, Политическое, Священное, десакрализация, деконструкция, виртуализация, информатизация, мимикрия, игра, биополитика

Эпоха Постмодерна всё настойчивее заявляет о себе уже не только в философии и культурологии. Постмодернистские социологи заверяют, что идейные основания постмодернистов являются больше чем эстетикой или совокупностью экстравагантных и эпатирующих суждений. Постмодерн стал измерением эпохи (А. Г. Дугин подробно описал различные его компоненты в онтологической, феноменологической, гносеологической и прочих областях) [Дугин 2009а]. На политическое измерение Постмодерна Дугин лишь указал, жирными штрихами, отметив самые яркие черты и сгенерировав понятие «постполитика» [Дугин 2004: 467], разобраться в наполнении которого – задача данного текста.

Есть три различных взгляда на сущность Постмодерна. Сами постмодернисты именуют его свёртыванием программы Модерна, маргинальным обращением к его истокам, недостаточно овеществлённым. Иные исследователи видят в Постмодерне слом Модерна ради возврата к Традиции, в преодолении которой Модерн видел свою задачу. Третья – хабермасовская точка зрения – вообще отрицает наличие Постмодерна, видя его лишь ситуацией драматического, но исправимого дефекта программы Нового времени. Однако наличие особых пунктов постмодернистского мышления признают все. Задачей данного текста является не решение спора о сущности Постмодерна, но перечисление его важнейших параметров. Кроме того, в качестве задачи не ставится выявление причины

постмодернистского сдвига в мышлении и политике – автор принципиально придерживается феноменологического ракурса исследования и стиля изложения. В качестве гносеологического поля избрано политическое измерение Постмодерна, поскольку именно в возрождении Политического и преобладании его над Социальным постмодернисты видят свою задачу.

В мире Традиции Политическое не мыслилось самостоятельным, оно было практическим проявлением состояния всеосвящённости и всеединённости. Традиционное, кастово структурированное общество во главе себя всегда имело сословие, в чьих руках находилось воспроизводство устоявшегося образа жизни, – жрецов. Собственно политическое сословие – воины и управленцы – было связующим между корпорацией жрецов и простонародьем. Таким образом, между сословием, хранившим высшие принципы бытия, и сословием, овеществлявшим эти принципы в повседневности (тружениками), существовал социальный буфер. Эпоха Модерна переформатировала традиционную систему, почти повсеместно приведя общество к бюрократизму и партократии. Жреческое сословие спустилось до состояния идеологической и этической услуги наличествующего политического устройства; никакого трансцендирования для этого социального слоя/класса не предполагалось. Именуемая Шмиттом «революция третьего сословия» [Шмитт 2000: 84] изменила порядок только двух верхних сегментов; «низы» остались на низшем уровне, но верхние сословия всю эпоху Нового времени (по экспоненте, к Современности) лишь стремились обеспечить деградирующие запросы «низов».

При Постмодерне произошло «отрицание отрицания»: политическое сословие вновь сместилось на подчинённое место, уступив горнее место симулякрам жрецов – политтехнологам, PR-менеджерам, аналитикам, консультантам, публицистам-блогерам. Соотношение сторон теперь весьма похоже на традиционное: «верхи» генерируют жизненные принципы и оформляют знаки качества бытийственности; «низы» овеществляют заявленные ориентиры; административная «середина» – кшатрийское сословие – обеспечивает и контролирует осуществление идей, пришедших с высшего уровня [Шмитт 2006: 297]. Но в этой иллюзии традиционной иерархии горнее место социальной пирамиды больше не принадлежит жрецам – лишь их функциональным подобиям. И жречество утратило такую привилегию не в количественном, но именно в качественном смысле, предполагающем привязку к Священному. Современные попытки клерикализации и синодализации не могут вернуть важнейшей характеристики традиционного мира – Сакрального, пронизывающего все сферы бытия. По словам Дугина, «теология вернулась в политику» [Дугин 2009b: 20], однако эта теология теперь – облегчённая, мимикрирующая под внешние формы Священного, под его функционально-прагматические изъявления.

Постмодернистские социологи заверяют, что идейные основания постмодернистов являются больше чем эстетикой или совокупностью экстравагантных и эпатажирующих суждений.

При Постмодерне произошло «отрицание отрицания»: политическое сословие вновь сместилось на подчинённое место, уступив горнее место симулякрам жрецов – политтехнологам, PR-менеджерам, аналитикам, консультантам, публицистам-блогерам.

Традиционная эпоха не предполагала собственно Политического – оно было лишь подчинённым пространством осуществления высших принципов. Эра Модерна породила чистое Политическое как универсальную систему налаживания социальных отношений. Сущностной стороной Политического эпохи Нового времени было планомерное изживание Традиции и замена сакральных принципов их перевертышами. Постмодерн же заново перевернул идеологические антиподы; место Священного и его носителей и интерпретаторов вернулось на верх социальной пирамиды, однако внутри себя горнее место оказалось пустым. Соответственно, принципы, сходящие свыше и требующие политической реализации, уже не могут быть прагматическими, «реалистическими» – они исходят из сущностной пустоты и не могут представлять ничего, кроме паттернового мельтешения, декорирующего принципиальное отсутствие всяческих смыслов, кроме единственного – отладки функциональности самой системы «феерического ансамбля современности». Сходящие «свыше» постмодернистские принципы Политического священными также не стали, поскольку Традиция неподвластна человеческой комбинаторике и предполагает циркуляцию из поколения в поколение и горизонтальный социальный капитал, могущий усвоить Традицию и передать её по разнообразным социальным каналам [Quinn 1997: 22]. Таким образом, политика перестала настаивать на осуществлении чисто политических принципов, к принципам горним она не вернулась, и та сфера, которую политика призвана охранять, – бытийственная – стала незакреплённой, воздушной. А деятельность, направленная на сбережение псевдобытийственной сферы, не может быть никакой иной, кроме как игровой. Потому Дугин характеризует постполитику как «предельную фазу дезонотологизации политики» [Дугин 2004: 522].

Зрелый Модерн не отрицал священного Политического, но совершенно иначе истолковывал его – инструментально, лишь как сферу особого рода социальных взаимодействий. Неприязнь к самодостаточному Политическому была столь велика, что умалчивался даже сам термин «Политическое» – его заменила чуть расширенная «политика», понимаемая как управленческая сфера, ориентированная на достижение прописанного «просветителями» результата. «Кшатрийское» возвеличивание чистого и самостоятельного Политического стало уделом экстравагантных антимодернистов, наподобие Ницше или Мисимы.

Постмодерн возвратил доминанту Политического, однако совершенно в децентрированном спектре, дающем представление о сверхиндивидуальных долженствованиях, надличностных ориентирах, цивилизационной обусловленности, главенстве эстетичности. Как и в Традиции, в Постмодерне этим

Постмодерн возвратил доминанту Политического, однако совершенно в децентрированном спектре, дающем представление о сверхиндивидуальных долженствованиях, надличностных ориентирах, цивилизационной обусловленности, главенстве эстетичности. Как и в Традиции, в Постмодерне этим принципам придаётся второстепенное значение, но прибавились новые черты, ведущие к децентрации: игра и принципиальная несерьёзность.

принципам придаётся второстепенное, подчинённое значение, однако прибавились новые черты, ведущие к децентрации: игра и принципиальная несерьёзность.

Постполитика является важнейшим знаком современной политической ситуации, и без представления о её сущности исследование современных политических процессов неминуемо симулируется, поскольку наполнение постполитики – не *аполитическое*, но *якобы* политическое. Постполитика – детище Постмодерна, поэтому в анализе её наблюдаемых параметров уместно пользоваться методикой и терминологией постмодернистов.

Самым значимым параметром постполитики является *деконструкция* как освобождение от исконных принципов, воспринимаемых сегодня как напластования историко-культурного контекста [Charlesworth 2002: 165]. Политические методы и даже отрывочные принципы, освобождённые, как *дискурс* из контекста, должны осуществить политическую волю, стремящуюся к сугубо прагматичным целям, либо не стремящуюся ни к каким принципам вообще. Если мир – это текст, написанный умершим Автором, то нынешний обыватель довольствуется ролью читателя, а современный идеолог, политик или управленец есть редактор этого текста. Он функционирует инициативно и на бегу, но не просто осуществляет политический процесс – это было бы делом Модерна. Деятели постполитики оперируют тем местом, на котором изначально располагалась сфера Сакрального, пропитывавшая всё неизбывное Политическое. Но вместо изначального сакрального смысла осталась мешанина разрозненных практических задач, сиюминутных ориентиров, деклассировавшихся идеологий, устаревших этических императивов. Потому деятель постполитики приступает к комбинаторике смыслодеятельности, не подчинённой никаким правилам, кроме выходящих из бессознательной тьмы ощущений, фантазий и предпочтений, эклектично смешивающихся с цивилизационной и национальной инерцией.

Конструирование смысла напрямую ведёт к конструированию социальности [Бурдьё 2007: 121] – так возникают симулякры государства, нации, класса, прикрывающие свою виртуальность лоскутами Традиции. Партийные и парламентские системы стремятся к отрицанию, уступая политическим практикам, обращающимся непосредственно к принципам, исходящим из самого центра деконструированного Политического. Медийные рычаги власти становятся всё более значимыми, тяготеют к абсолютизму.

Опять же: если редактор «умирает», а движение, активированное им, находит иного продолжателя/изменителя/нарушителя, то при взгляде со стороны может возникнуть иллюзия самовоспроизводства Социального, что в традиции всегда намекало на неизменное присутствие Священного, легитимирующего Политическое.

Самым значимым параметром постполитики является *деконструкция* как освобождение от исконных принципов, воспринимаемых сегодня как напластования историко-культурного контекста.

При навыке игры «дискурс-контекст» возникает впечатление, что любой исторический жест, фразу, имя можно изъять из породившей их обстановки и воскресить, уже в качестве бренда [Андерсон 2011: 117]. Истории больше нет, есть только единомоментная игра, и наполнение этой игры зависит от соглашения игроков [Анкерсмит 2003: 12]. Потому в деконструкции особое внимание уделяется динамике, заложенной деконструктором (автором/редактором) [Барт 1989b: 462]. Поскольку автор – этот модернистский Богозаменитель – согласно взглядам самих постмодернистов, продолжительно существовать не может [Барт 1989a], его власть расплывается, становясь уделом социальных институтов, автономизировавшихся сетей и неуправляемого, но подправляемого и «свыше» вдохновляемого безликого Действия. Это чрезвычайно похоже на всесакральность Древности, однако является её симулякром, поскольку отобразилась не с Традиции, а с Модерна посредством двойного отрицания.

На ментальном уровне политическая деконструкция приводит к ризомическому политическому мышлению, принципиально лишённому любых центростремительных факторов, нацеленному лишь на покорение территорий и почв, пригодных для поверхностного питания и размножения. К примеру, в этом – подоплёка культурной глобализации. Образ усреднённого западного человека транслируется на периферию уже не с какой-то определённой целью. Сама успешная трансляция сегодня предполагает власть над зрителями.

Виртуализация есть другой параметр, сигнализирующий о превращении функциональных методик в самооценку и абсолютизм самой методики, отрывающейся от практических задач и превращающейся в симулякр бытия. Осуществляется виртуализация как семиотическая лестница «стилизация – имитация – фальсификация». Последнее звено трилогии (фальсификация) не является целью виртуализации, но радикальность отрыва постполитики от реальности постепенно приведёт к тому, что результат виртуальной политики будет совершенно непредсказуемым, не входившим в замыслы теоретиков на первом этапе виртуализации. В итоге виртуализации политика станет подобна компьютерной игре, в которой важно не отображение реального мира, но тщательная прорисовка образов и продуманность альтернатив, могущих возникнуть в ходе игрового ветвления.

Виртуализация рождает психологический механизм мимикрии, значение которого вышло за границы игры. Игра-подражание из отражения Социального стала способом конструирования того, что замещает Социальное [Бергер 1996: 83]. Увлечённость мимикой и мимикрией, приоритет идентификации над идентичностью, подражания над соответствием образу – черты постмодернистского мироощущения, зачастую интуитивного под собой полную пустоту, декорируемую коллажами из произвольно выдернутых культурно-исторических обстановок [Аверьянов].

Виртуализация не идёт однонаправлено, не существует одноплоскостно. Высокофункциональная фрактальная виртуализация возвращает иммунитет против своего опроверже-

Истории больше нет, есть только единомоментная игра, и наполнение этой игры зависит от соглашения игроков.

Виртуализация есть другой параметр, сигнализирующий о превращении функциональных методик в самооценку и абсолютизм самой методики, отрывающейся от практических задач и превращающейся в симулякр бытия.

ния – якобы сопротивление себе, которое Жижек называет «страстью по Реальному»: уставшее от информационного псевдобытия сознание страстно стремится к любым нарративам, имеющим претензии на реалистичность (причём достаточно лишь внешнего сходства) [Жижек 2002: 12]. Однако истинная Реальность воспринимается отвыкшим от неё медиапотребителем не иначе как монстр, ибо современный человек уже утратил связь с естественным образом жизни и мышления, и, даже воскрешая элементы Традиции, он не знает, в какой последовательности их наново смонтировать, какое место в этом ансамбле занять и каким образом в нём действовать. Вместо Традиции – мнение о Традиции; это единственное, на что способно сознание, привыкшее к виртуальности-подвижности. Потому наиболее актуальной будет игра, использующая образы, намекающие на традиционность (т. е. на присутствие Священного): символы кастовой пирамиды и иерократии, заявления о приоритете прав народа над правами индивида и об особой роли определённой нации в мире, участие духовенства в около- или псевдополитической деятельности и т. д. Именно это мы и называем отщепенями Сакрального, отколовшимися от него в эпоху революций третьего и четвёртого сословий, а сегодня сектантски заявляющими о себе как о полноте Сакрального и Политического.

В постполитические коллажи удачно вписываются архаичные образы и детали национальной истории, усилиями интерпретаторов сменившие оценочный знак на противоположный: советская коллективизация, декадентская некрофилическая мистика ранних большевиков, сталинская репрессивная машина, тоталитарная система контроля и пр. Всесмещение вместо иерархии, стохастичное шевеление вместо программного хода, недоговорённость вместо рационализма, тотальная социальность вместо индивидуализма и личности – эти новые дихотомии имеют обратное сходство с дихотомиями, поставленными «просветителями» Нового времени, потому для некритически мыслящего «повстанца против Современности» они напоминают холизм и метафизическую пропитанность Традиции, и постполитика мнится возвратом к некой Изначальности.

Поскольку постполитика оперирует образами, знаками и символами, окончательно оторвавшимися от естественности и созданными в виртуальном пространстве, информационные единицы, комбинируемые для оформления очередного псевдонарратива, начинают цениться отдельно от процесса виртуализации, частью которого являются. Важным основанием для этого является отсутствие центростремительности постполитики и флеш-методика привлечения внимания потребителя политических образов. Так происходит *информатизация* как парадигмальный переход политики в информационное русло. Полная

оторванность современного обывателя от традиционного-реального существования приводит к тому, что любая информация о «жизни» собирается только из информационного поля посредством СМИ. Постепенно СМИ из информирующего средства превращаются в рычаг политики (сегодняшний этап), а затем – в само поле политического действия, в котором идёт соревнование образов, а точнее – брендов и лейблов. Причём потребление бренда сегодня является признаком бытийственности; бренд стал социальной условностью, и стремление к нему больше не означает ни высокого качества товара, стоящего за эмблемой, ни высокого качества жизни, позволяющего сделать определённый товар доступным. Современный бренд предполагает некую стилизацию, ролевую игру, но не предполагает перенесение в реальность принципов, на которые некогда мог намекать бренд первичный. Однако соревнование брендов вышло за рамки игры-развлечения и стало делом затратным, сложным и даже опасным. Так, например, бренд «национал-социалист» означает гарантированное место штатного шута в современном массовом политическом сознании, но за стилистическую принадлежность к нему вполне можно поплатиться здоровьем и даже жизнью. Перед массовым политическим сознанием разыгрывается тяжёлая игра уступающих арену «либералов» и апеллирующих к «светлому прошлому» «державников», подразделяющихся на «имперских» и «советских». На мировой арене «глобалисты» борются с «националистами», «американские империалисты» – с «исламскими фундаменталистами». Те и другие имеют свои бренды, узнаваемые стратегии. Рассмотрение обывателем своей принадлежности к определённому политическому лейблу не означает перестройки сознания, жизненных условий, быта. Символические войны, достаточно часто выплёскивающиеся из «виртуала» в «реал», как правило, не ведут к изменению бытийственной сферы, являясь лишь увлекательной игрой, настаивающей на привлечении более свежих версий игры и апгрейде операционной системы под соответствие им.

Приоритет динамики над статикой. Постмодерн не предполагает вживания в какой-то образ – важна сама сменяемость образов и умение подыгрывать этой сменяемости, умение занимать роли в текущем моменте. Чтобы обыватель был увлечён компьютерной игрой, она должна быть максимально подвижной, не предполагающей застревания на каком-то уровне или статусе игрока. Это позволяет не замечать витринной карикатурности и вычурности современных политических образов, не замечать дефектов самой программы – если только дефекты не ведут к сбою программы политического поведения. Однако и сбои, как указывал Дебор, сегодня являются элементами «управляемого хаоса» и ведут лишь к повышению функциональности программы [Дебор 2000: 40]. У обывателя/зрителя необходимо создать иллюзию (1) его деятельной вовле-

чёрности в политические процессы, (2) иллюзию самостоятельного политического процесса. В этой ситуации в подсознании обывателя запускаются сразу два механизма: недозатёртая личностность, намекающая на важность и действенность индивидуального политического участия, и псевдотрадиционное представление о самостоятельности Политического, движимого Священным и не зависящего от активности индивидов. Эти внешне противоречивые механизмы приводят к тому, что современный обыватель участвует в политике не активно, но знаково – формируя капитал доверия определённому политическому участнику, увеличивая его индекс медийной цитируемости, упрочивая его узнаваемость. Побеждает наиболее «сильный» знак, имитирующий постоянство в силу отнесённости к незыблемым основаниям бытия [Бурдьё 2009]. Дальнейшая конкретная политическая практика настолько отработана и поставлена в зависимость от виртуальной, что обязательно приведёт к победе обладателя «сильного знака», своей непрерывной активностью намекающего на аннулирование любой энтропии в политической системе и в тотально зависящем от неё индивидуальном бытии медиапотребителя.

Тотальность медиакратии. Информационная картинка (в нашем случае – политическая по форме) из обозначающего превращается в обозначаемое. Постепенно медийность становится настолько значимой, что фактор реалистичности растворяется, уступая место импульсивной эффектности. Скандальность, экстравагантность, фантастичность, позёрство ценятся потребителем политических образов именно в силу своей гиперреалистичности (на первом уровне) и нереалистичности (в перспективе). Уставший от безысходности и неизменности псевдобытия, потребитель теперь хочет наркотического удовлетворения, и политика только тогда его интересует, когда похожа на реслинг. В свою очередь, для привлечения внимания потребителя деятель постполитики должен быть мультимедийным, а в перспективе – мультипликационным, высокопластичным. Деятель постполитики должен быть собранием гиперссылок, указывающих самым разным политическим участникам на наиболее ценные для них ситуации, фрагменты истории, ментальные стереотипы, жизненные драмы. Переход из одного образа в другой должен совершаться мгновенно и без применения особых усилий, как переход по ссылкам на html-странице. Такая пластика образности не предполагает наличия собственной ценностной системы в постполитическом деятеле: внутренний мировоззренческий стержень будет препятствовать мгновенному сгибанию в угоду сиюминутной конъюнктуре и сменяемости ментальных потребностей обывателя.

Биополитика. В принципе, выделение биополитики в отдельный параметр пока что имеет значение, поскольку современный информационный потребитель (особенно в коло-

Для привлечения внимания потребителя деятель постполитики должен быть мультимедийным, а в перспективе – мультипликационным, высокопластичным.

ниальных странах) ещё не вполне утратил связь с реальностью. Поэтому из всех образов большей действенностью обладают те, которые связаны с человеческой физиологией, в особенности – с психосексуальной сферой. Манипулирование сексуальными образами сегодня занимает одно из самых значимых мест в информационной политике, поскольку сфера репродуктивного инстинкта является одной из самых выживаемых и трудно переводимых в виртуальность. Более того, современный медиапотребитель устойчиво считает либидозную сферу выходом из тупика искусственности, заземляющим противовидием от виртуализации. Создание видимости открытости личной жизни политиков имеет значение только в применении к сексуальной сфере – тогда политик представляется реальным: не осуществляющим программу киборгом, но живым человеком, могущим отступить от тоталитарного разума и всеподчиняющих общественных условностей ради стихийного порыва, назначением которого всегда было «самое человеческое в человеке» – самовоспроизводство. Потому особое знание в постполитике имеют медийные скандалы, связанные с личной жизнью – они влияют на формирование политического сознания больше, чем политическая программа партии.

Однако сегодня намечается постмодернистский перевес в сторону андрогинности, особенно в Европе. На мировой периферии эксплуатация интереса потребителя информации к личной жизни политика сегодня ещё имеет ультрамодернистский характер – направлена на подчёркивание маскулинности потенциального вождя. Потому в формировании положительного пиара в «развивающихся» странах центральная роль отводится сексуальным скандалам. В постиндустриальных и постмодернистских странах мирового Центра иная методика – отстранение. Первертивные склонности некоторых политиков подчёркиваются для создания имиджа неотмирности, имитирующей потусторонность жрецов в традиционном мире, имиджа социального борца против косности быта [Дугин 2009а: 556]. Тогда политический лидер, во-первых, выглядит ещё более живым и сильным: он не только противопоставил своё асоциальное «Я» окружающей реальности, но и добился большего – поставил реальность под сомнение своим победоносным прорывом из маргинальности в мейнстрим. Во-вторых, такой лидер не будет восприниматься европейцем (учитывая особенности европейской истории XX в.) как грандиозный политический насильник, стремящийся к самовыражению посредством тоталитарной или авторитарной манипуляции индивидами, опущенными до состояния безвольных масс. В-третьих, как указано выше, само существование первертивного политика, намекающего на католический целибат, кастрацию жрецов древности и первертивность некоторых знаменитых деятелей культуры, намекает на бескорыстность такого

политика и его сверхличностную цель, не предполагающую обогащения или социального подъёма за счёт политического статуса. Этот психологический механизм вновь намекает на некоторые признаки традиционного Политического, в котором истинным, священным лидером был не «настоящий мужчина» (кшатрий), но «получеловек», исказивший свою плотскую сущность ради большего соответствия духовным императивам (брахман, монах). Сегодня роль брахмана занимает гей, роль инициации – каминг-аут.

На том месте, которое, в противовес ментальности, ранее занимало политическое сознание, сегодня можно отметить гносеологическую примитивизацию как нацеленность не на постижение сущности политических процессов, а на «прозрачность», «доступность», создающую у пассивного зрителя иллюзию участия в политике. Примитивизированное представление о политике доминирует над видением связанности политической сферы жизни с остальными сферами. Эта несогласованность бытия, в связи с самим дефицитом бытийственности современного человека, формирует представление о политическом процессе как соревновании интерпретаций; от такого представления – уже один шаг до игрового представления. Поэтому в сегодняшнем «просвещённом» мире столь большое значение имеют разные версии алармизма и самые архаические конспирологические тренды. «Конфигурация всё время меняется, происходит бесконечное ветвление побегов и рассеивание смысла» [Иноземцев 2004: 52], потому от политического участника не требуется понимания сущности политического процесса – достаточно мнения, взгляда, ощущения, вспыхнувшей аналогии. Осмысленность отступила ещё в зрелом Модерне под натиском прагматичности, «realpolitik»; сегодня же прагматичность уступила игре – деятельности, смысл которой не в результате, но в ней самой. Именно это даёт основание де Бенуа, характеризуя современный управленческий процесс как «управленье», медийную симуляцию [Де Бенуа 2009: 250–251].

В сфере политической феноменологии господствует **одномоментность** как псевдотрадиционность. Этот параметр свойствен именно постполитике в точках имитации традиционной (не модерновой!) политики. Здесь модернистскому динамизму противопоставляется не традиционная стационарность бытия, но бесконечное расширение момента, ощущения, образа. Миг представляется вечностью, занимавшей первое место в традиционном Политическом, и все усилия тратятся на имитацию неподвижности этого мига, провозглашаемой псевдофундаменталистами как преодоление модернистского «движения в никуда». Развенчаны все модернистские цели идеалистического и прагматического характера; двигаться больше некуда и незачем, однако возврата в примордиальную статику бытийственности

не может произойти в силу её оторванности от собственных священных оснований. И вместо застревания в вечности у потребителя политических образов происходит застревание в образе, подобно тому, как хороший актёр ассоциируется с ролью, сделавшей его знаменитым. Никакого трансцендентного основания для этого застревания не подводится – оно исходит из стохастически сложившихся эстетических представлений и виртуализованного, псевдожизненного опыта. Рациональное обоснование политической роли уподобляется сортёру, отделяющему потенциальных носителей одного бренда от потенциальных носителей другого. В этом – основание для политической субкультурности, описанной выше: индивид – носитель бренда борется с другим брендом в лице его носителя.

Может показаться противоречивым сведение вместе таких параметров постполитики, как *приоритет динамики над статикой* и *одномоментность*. Напомним, что мы говорим не о целеустремлённой, структурной и иерархической политике, но о фрактальной и мозаичной постполитике, в разных ситуациях подчёркивающих разнообразную ориентацию. Неизменным остаётся только одно – непринадлежность как к модернистской рационалистической политике, так и к традиционной политике всеосвящённости. Постмодернистская политика есть многофункциональная игра, предполагающая лёгкую переключаемость интерфейсов под вкусы игроков.

В своей *цивилизационной миссии* у постполитики видится основание, резко выделяющееся из формата игровой несерьёзности. В первую очередь уже заметна сама цивилизационная миссия, и это позволяет говорить о нестохастичности и несамодостаточности, но управляемости и внешней программируемости Постмодерна [Панарин 2002: 245]. Миссия эта – *неоколониализм*, выражающийся уже не столько в собственности на производственных акторов, сколько в способах, формах и доступности информационных ресурсов. Доминирование политических образов, брендов, языка, символов, стилей сегодня означает примерно такое же доминирование, каковое двести лет означала собственность на колониальные средства производства. Штампы «демократии», «равенства», «социальной справедливости», «парламентаризма», «гласности», «прав личности» одержали триумф, вытеснив не только национальную специфику политических процессов, национальный политический менталитет, но и сам поместный политический язык. Эта семиотическая глобализация не имеет целью выравнивания цивилизационной разницы. Нарушение национальной и цивилизационной идентичности посредством вторжения западного политического языка и символики не приведёт к озвученному Фукуямой доразвиванию периферийного сознания до либерально-западного уровня. Вместо этого периферийный потребитель политических образов оказывается в семиотическом зазоре между собствен-

Постмодернистская политика есть многофункциональная игра, предполагающая лёгкую переключаемость интерфейсов под вкусы игроков.

ными-исконными и вторгшимися политическими знаками. Эта разорванность идентичности делает обывателя податливым, внушаемым, импульсивным, склонным доверять наиболее убедительной знаковой системе [Хардт, Негри 2004: 159] и воспринимать отторжение от традиционной и цивилизационной идентичности как однозначное благо.

Сегодняшнее дезонтологизированное и предельно десакрализованное Политическое рождает новую форму налаживания социальной структуры – *постполитику*, внешне и внутренне отличающуюся как от политики Нового времени, так и от политики традиционного мира. Обслуживая социальную структуру в период её крайней нестабильности и бесформенности, постполитика является одновременно и знаком, и творцом ситуации.

Устоявшиеся принципы осмысленной и целесообразной политики уступают игровой и иррациональной постполитике, которая, несмотря на декларируемую безыдеологичность, является лишь качественно новой и, возможно, последней ступенью в осуществлении процесса глобальной десакрализации посредством тиражирования принципиальной пустоты, бесчеловечности (спарившейся с безбожием) и бесцельности, использующей функционал активности индивидов как единственное и последнее средство понижения мировой структурной энтропии.

Библиографический список

Аверьянов В. В. Метафизика Ничего (об опыте священного писания бездны Г. Джемала) // Волшебная гора. Философско-эзотерический журнал (альманах). Официальный сайт. URL: <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/aver.htm> [Дата посещения: 25.04.2014].

Андерсон П. 2011. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего. 208 с.

Анкерсмит Ф. Р. 2003. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция. 496 с.

Барт Р. 1989а. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. С. 384–391.

Барт Р. 1989b. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. С. 462–497.

Бергер П. 1996. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс. 168 с.

Бурдьё П. 2007. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 288 с.

Бурдьё П. 2010. Социальное пространство и символическая власть // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> [Дата посещения: 25.04.2014].

В своей цивилизационной миссии у постполитики видится основание, резко выделяющееся из формата игровой несерьёзности. В первую очередь уже заметна сама цивилизационная миссия. Эта миссия – неокOLONиализм, выражающийся в способах, формах и доступности информационных ресурсов.

Де Бенуа А. 2009. Против либерализма к четвёртой политической теории. СПб.: Амфора. 480 с.

Дебор Г.-Э. 2000. Общество спектакля. М.: Логос. 184 с.

Дугин А. Г. 2004. Философия политики. М.: Арктогея. 614 с.

Дугин А. Г. 2009а. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 744 с.

Дугин А. Г. 2009б. Четвёртая политическая теория. СПб.: Амфора. 352 с.

Жижек С. 2002. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры. 160 с.

Иноземцев В. Л. 2004. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. № 4. С. 50–57.

Панарин А. С. 2002. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс. 416 с.

Хардт М., Негри А. 2004. Империя. М.: ЭКСМО. 437 с.

Шмитт К. 2000. Политическая теология: сборник. М.: Канон-пресс-Ц. 251 с.

Шмитт К. 2006. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль. 300 с.

Charlesworth M. J. 2002. Philosophy and Religion: From Plato to Postmodernism. Oxford: Oneworld. 218 p.

Quinn W. W., Jr. 1997. The Only Tradition. NY.: State University of New York Press. 384 p.

Reduction of Post-politics

Tovbin Kirill Mikhailovich

Candidate of Philosophical Sciences (PhD), docent of the Russian New University The town of Gagarin, Smolensk region, Russia. E-mail: kimito@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of post-politics and its parameters. Post-politics are characterised as a limiting level of the deontologisation of political relations. With regard to the approaches to this cultural and historical phenomenon, the article compares the political relations in three contexts: traditional society, Modernity and Postmodernity. Working hypothesis: political relations, approaching the present, are represented by the gradual release of the sacred origin and the transition to some new, ghostly, and virtual quality.

Keywords: Postmodernity, post-politics, Political, Sacred, de-sacralisation, deconstruction, virtualisation, informatisation, mimicry, game, biopolitics.

References

Aver'janov V. V. MetafizikaNichego (ob opyte svjashhennogo pisanija bezdny G. Dzhemalja) [Metaphysics of Nothing] – Volshebnaja gora. Filosofsko-jezotericheskij zhurnal (almanakh) [The magic mountain. Philosophical, esoteric journal (almanac)]. Official website. URL: <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/aver.htm> [date of visit 25.04.2014].

Anderson P. Istoki postmoderna [The origins of postmodernity]. M., Territorija budushhego, 2011. 208 p.

Ankersmit F. R. Istorija i tropologija: vzljot i padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. M., Progress-Tradicija, 2003. 496 p.

Bart R.. Smert' avtora [The author's death] – Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. M., Progress, 1989. P. 384–391.

Bart R. Udovol'stvie ot teksta – Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [The pleasure of the text]. M., Progress, 1989. P. 462–497.

Berger P. Priglasenie v sociologiju. Gumanisticheskaja perspektiva [Invitation to sociology. Humanistic perspective]. M., Aspekt-Press, 1996. 168 p.

Bourdieu P. Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. SPb., Aletejja, 2007. 288 p.

Bourdieu P. Social'noe prostranstvo I simvolicheskaja vlast' [Social space and symbolic power] – Sociologicheskoe prostranstvo Pierra Burdjo [Social space of Pierre Burdjo]. 2010. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> [date of visit 25.04.2014].

De Benua A. Protiv liberalizma k chetyjortoj politicheskoy teorii [Against liberalism to the fourth political theory]. SPb., Amfora. 2009. 480 p.

Debor G.-Je. Obshhestvo spektaklja [Society of the spectacle]. M., Logos, 2000. 184 p.

Dugin A. G. Filosofija politiki [Philosophy of politics]. M., Arktogeja, 2004. 614 p.

Dugin A. G. Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli [Postphilosophy. Three paradigms of the history of thought]. M., Evrazijskoe dvizhenie, 2009. 744 p.

Dugin A. G. Chetyjortaja politicheskaja teorija [Fourth political theory]. SPb., Amfora, 2009. 352 p.

Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo [Welcome to the desert of Real]. M., Pragmatika kul'tury, 2002. 160 p.

Inozemtzev V. L. Vesternizacija kak globalizacija I globalizacija kak amerikanizacija [Westernization as globalization and globalization as Americanization] – Voprosy filosofii, 2004, no.4, pp. 50–57.

Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [Globalism temptation]. M.: EKSMO-Press, 2002. 416 p.

Hardt M., Negri A. Imperija [The empire]. M., EKSMO, 2004. 437 p.

Shmitt K. Politicheskaja teologija: sbornik [Political theology: collection]. M., Kanon-press-C, 2000. 251 p.

Shmitt K. Levianfan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa [Leviathan in the doctrine of state of Thomas Gobbs]. SPb., Vladimir Dal', 2006. 300 p.

Charlesworth M. J. Philosophy and Religion: From Plato to Postmodernism. Oxford, Oneworld, 2002. 218 p.

Quinn W. W., Jr. The Only Tradition. NY., State University of New York Press, 1997. 384 p.